

С. В. Доронина
Барнаул, Россия

«КОМАНДИР! МОЖЕТ, ДОГОВОРИМСЯ?»: ПРИЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТОВ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ

АННОТАЦИЯ. Обсуждаются вопросы методики анализа текстов при рассмотрении антикоррупционных дел. Главной задачей лингвистической судебной экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению. При этом лингвисту необходимо доказать, что в диалоге идет речь о передаче денежных средств, имеется связь между передачей и встречным предоставлением услуги, а также установить характер услуг, предоставляемых за деньги. Данная информация может быть использована следователем в целях выявления в тексте признаков, свидетельствующих о наличии объекта (предмет преступления), объективной стороны (общественно опасное деяние, время, место, обстановка, способ), субъекта, субъективной стороны (умысел, цель, мотив). Для решения комплекса данных вопросов наиболее пригодными являются приемы дискурсивного анализа. Целостного метода дискурсивного анализа еще не выработано, однако применение комплекса семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. В частности, среди различных способов речевого воздействия оказывается возможным выделение приемов речевой провокации, а среди высказываний с имплицитным смыслом — приемов, нацеленных на маскировку их содержания. Например, провокация осуществляется, когда официальный регистр общения сменяется неофициальным, когда сообщение о последствиях каких-либо противоправных действий сменяется предложением/ просьбой об отступлении от заданных институциональных правил за вознаграждение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; семантический анализ дискурса; прагматический анализ дискурса; речевая провокация; маскировка содержания разговора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Доронина Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и прикладного языкознания, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (Барнаул); адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, к. 413а; e-mail: doroninasv73@mail.ru.

Главной задачей лингвистической судебной экспертизы по антикоррупционным делам является установление события по его речевому отображению. При этом лингвисту необходимо доказать, что в диалоге идет речь о передаче денежных средств, имеется связь между передачей и встречным предоставлением услуги, а также установить характер услуг, предоставляемых за деньги. Данная информация может быть использована следователем в целях выявления в тексте признаков, свидетельствующих о наличии объекта (предмет преступления), объективной стороны (общественно опасное деяние, время, место, обстановка, способ), субъекта, субъективной стороны (умысел, цель, мотив). Для решения комплекса данных вопросов наиболее пригодными являются приемы дискурсивного анализа.

Общеизвестно, что наука не выработала целостного метода дискурсивного анализа. Вместе с тем существует довольно обширная группа методов, позволяющих в различных аспектах рассмотреть «текст, погруженный в жизнь». Для указанных выше экспертных целей нам представляются релевантными методы социолингвистического анализа, анализа темы и шире семантического анализа диалога, прагматического анализа, анализа микро и макроструктур дискурса, соотносимый с выделением речевых стратегий и тактик и пр. В частности, применение приемов социолингвистического и прагматического анализа позволяет выделить лингвистические признаки, которые могут помочь следственным органам в решении правового вопроса о наличии провокации дачи взятки. Несмотря на правовой характер вопроса, обращение следственных органов для его решения за помощью лингвиста также имеет свои

объективные основания. С точки зрения закона, провокация — действия, осуществляемые «в целях искусственного создания доказательств совершения преступления» [Ст. 304 УК РФ]. Диалоги, исследуемые в рамках данной категории дел, отвечают этому определению, являясь в определенной мере искусственными (постановочными), поскольку один из участников знает о том, что идет запись, и играет заранее обдуманную роль. Поэтому экспертная задача в данном случае заключается в подробном описании речевой партитуры диалога, включая приемы речевого воздействия, оказываемые на лицо, в отношении которого ведутся следственные действия.

С позиций социолингвистики дискурс — это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. Дискурс, анализируемый в связи с делами о коррупции, всегда институционален. Одна из общающихся сторон наделена некими полномочиями, которые собеседник желает обратить в свою пользу. В нашей экспертной практике лингвистические признаки дачи взятки требуют обнаружить преимущественно в разговорах между сотрудниками ДПС и нарушителями дорожного движения, желающими избежать наказания. При этом эксперту приходится работать с так называемой «мягкой» [Карасик 2000: 7] разновидностью институционального дискурса, допускающей отступление от ритуала без разрушения акта коммуникации. Официальный регистр общения сменяется неофициальным, когда сообщение о последствиях каких-либо противоправных действий сменяется предложением/ просьбой об отступлении от заданных институцио-

нальных правил за вознаграждение. Самой частотной эллиптической формой выражения смены регистра выступает выражение «Командир, а может, договоримся?!». Переход на неофициальный регистр общения осуществляется нарушителем дорожного движения, и в ряде случаев оно поддерживается собеседником (сотрудником ДПС), являясь сигналом того, что сотрудник правоохранительных органов «смягчился» и готов принять высказанное в его адрес предложение:

M1: Да, ну я понимаю все, но войдите вы в мое-то положение.

M2: Ну дак, а как, допустим, мы войдем в это положение.

M1: Ну, давайте как-нибудь попроще там. Что-нибудь придумаем.

M2: Как? Что мы придумаем?

M1: Ну давай что-нибудь так. Ну серьезно, командир. Ну вы сами-то поймите, ну прикинь, меня прав лишат, или пятерку даже, мне, прикинь, за нее в натуре...

M2: Сам-то откуда Андрюх?

M1: Да барнаульский.

M2: Барнаульский? Знаешь (тут все)...

M1: А, командир?

M2: В такси давно работаешь?

M1: Да ну сколько уже, год, наверное.

M2: Год?

Как правило, передача денежных средств осуществляется после получения сигнала перехода от конфликтного общения к гармоническому, что подтверждает манипулятивный характер данного речевого приема.

Другие средства воздействия в диалоге позволяют выделить применение приемов прагматического анализа. Стремление к ограничению коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего оперативный эксперимент, формирует особый вид его речевого поведения: данный участник демонстрирует недогадливость, непонимание высказываний в косвенной форме, побуждая собеседника к прямому выражению своих намерений:

M1: Просто хотелось бы как-то уладить этот вопрос с Вами.

M2: А со мной как Вы его (уладите)? Как Вы предлагаете? От меня что зависит?

M1: Вы можете направлять, можете не направлять.

M2: А у меня основание какое не направлять?

M1: Ну, я не знаю.

M2: Тогда почему я не должен направлять?

M1: Ну, надеюсь на дальнейшее сотрудничество...

M2: Какое сотрудничество? Вы мне про какое-то сотрудничество все время говорите, я понять не могу, либо я что-то недопонимаю, либо Вы что-то недоговариваете.

Данное речевое поведение, будучи средством речевого воздействия, тем не менее не является лингвистическим признаком провокации к даче взятки. Несмотря на то, что на самом деле сотрудник правоохранительных органов прекрасно понимает посылаемые ему намеки и позволяет нарушителю завершить коммуникативные на-

мерения, действия оперативного сотрудника не нарушают правил проведения оперативного эксперимента (оперативный эксперимент — это способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для установления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений [Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»]).

Описанные речевые ходы являются разновидностью волеизъявлений в диалоге и могут быть описаны в экспертном исследовании с помощью следующих формулировок: «выражение согласия принять денежные средства», «побуждение собеседника к вербализации намерения передать денежные средства». Выделение данных приемов речевого воздействия способствует повышению объективности исследования, однако, на наш взгляд, речевая провокация проявляет себя иначе — в репликах, свидетельствующих о проявлении в диалоге коммуникативной инициативы со стороны лица, проводящего следственные действия:

M1: А, командир! Мне тоже, ну ты сам представь, мне за эту пятерку (нрзб.) полмесяца. Ладно летом, там работа, а сейчас зимой сидел бы, сутки работаем, пятихатку с пяти рублей себе заработали. Тоже блядь посиди с такой вот работой. Я все понимаю, и вас тоже понимаю, что у вас работа такая, но что сделаешь-то? У меня умысла, ладно бы я внаглую ехал, и действительно ехал...

M2: Ну, и на что мы определяемся-то?

M1: Ну давай вот пятихатку. Больше у меня нету, серьезно.

M2: Ну смотри. Ну думаешь проще так будет?

M1: Я думаю проще (нрзб.).

M2: Давай попробуем.

Выделенная реплика представляет собой прием возобновления темы, от которой отклоняется страдающий многословием автовладелец. Таким образом сотрудник ДПС, знаящий о ходе записи, проявляет коммуникативную инициативу, подталкивает собеседника к осуществлению заявленного намерения — передаче должностному лицу денежных средств.

Следующий диалог также является ярким примером проявления коммуникативной инициативы.

M3: Да хоть... Есть возможность избежать всего этого?

M2: Ну как? Я вот вижу одно — составление материала. А Вы какие ещё видите пути?

M3: Да путей много на самом деле.

M2: Ну каким образом-то, скажите?

M3: Ребят, ну, правда.

M2: Ну, Вы каким образом видите решение данной проблемы, данного нарушения?

M3: То есть нельзя, да, решить?

M2: Ну вот Вы каким образом видите?

...

M2: Ну а Вы видите какие-то другие? Другое решение? Скажите, если видите какое-то другое решение данной... данного правонарушения.

Выделенные высказывания, принадлежащие сотруднику ДПС, нельзя интерпретировать как побуждение к вербализации намерения о передаче денег, ранее высказанного в косвенной форме, поскольку в речи автовладельца отсутствует какая-либо информация о вознаграждении за услугу. Вследствие этого в репликах сотрудника ДПС появляется прагматическая пресуппозиция «у проблемы существуют другие решения», иными словами, сотрудником ДПС осуществляется наведение темы «несоставление административного материала за вознаграждение».

Подобного рода промахи со стороны лиц, осуществляющих оперативный эксперимент, встречаются в том случае, когда нарушитель ведет себя осторожно или нерешительно и либо не выражает намерение о передаче денег прямо, либо не торопится с осуществлением вербализованного намерения. Любые проявления коммуникативной инициативы недопустимы в оперативном эксперименте. Для их фиксации в экспертном исследовании нами используются следующие формулировки:

- проявление коммуникативной инициативы в наведении темы «вознаграждение за услугу»,
- проявление коммуникативной инициативы в возврате к обсуждению темы,
- проявление коммуникативной инициативы в указании на размер суммы, приемлемой для покупателя.

Другой нетривиальной задачей при анализе диалогов по антикоррупционным делам является обнаружение маскировки содержания диалога. Данный речевой признак может указывать на умышленный характер преступления, поскольку нежелание его выявления правоохранительными органами не может не отразиться в интеллектуальном и волевом элементе прямого умысла, когда и взяткодатель, и взяткополучатель осознают общественную опасность совершаемых действий и, тем не менее, желают их совершить. В устной разговорной речи формируются специальные приемы маскировки содержания разговора. Коммуникативно значимая информация в таких контекстах представлена в имплицитной форме. При этом в отличие от намеков и приемов языковой игры информация передается таким способом, чтобы ее случайная дешифровка посторонними лицами оказалась невозможной. Таким образом, главной чертой криптолалической речи оказывается большое число наличествующих в ней смысловых лакун [Доронина 2011: 237].

Вместе с тем указанная особенность свойственна и устной разговорной речи в целом [Русская разговорная речь 1973; Культура русской речи 2003]. В частности, появление смысловых лакун может быть обусловлено действием закона речевой экономии, в соответствии с которым общение между людьми осуществляется, согласно общеизвестному утверждению Р. Якобсона, «лишь необходимыми намеками». Поэтому при общности ситуативного контекста (когда говорящий и слушающий хорошо осведомлены о предмете речи) неполные и эллиптические предложения в диалоге являются нормой коммуникации. Ср. пример телефонного диалога между супругами

(конситуативный контекст: муж планировал посетить стоматолога):

Ж1: Ну что, сходил?

М1: Сходил.

Ж1: Ну и че?

М1: Да выдрали.

Использование полужнаменательных слов, в том числе и обценной лексики (мата), вместо значимых смысловых элементов текста может быть обусловлено речевой небрежностью или низким уровнем речевой культуры. Ср. телефонный диалог школьников:

М1: Эта фигня виснет у меня все время.

М2: Да ты комп перезагрузи попробуй.

Специализированные языковые средства различают речь отдельных социальных групп и представляют собой жаргон (блатной, воровской, молодежный и пр.) или язык малых коммуникативных сообществ (семьи, дворовой компании и пр.). Поэтому использование специальной лексики вместо слов литературного языка может выполнять не только криптолалическую функцию, но и служить средством идентификации социальной группы. Таким образом, наличие криптолалической установки в устном диалоге однозначно устанавливается только при наличии таких речевых средств, которые не могут быть объяснены названными выше причинами. В остальных случаях установление криптолалической функции диалога носит вероятный характер. Как показывают наблюдения, криптолалическая коммуникативная установка реализуется с помощью как минимум трех приемов:

- отказ от обсуждения темы;
- эвфемистическая замена предмета речи;
- элиминация темы.

Отказ от обсуждения темы мы наблюдаем в следующих диалогах:

М1: Ну... Меньше текста, Оль. Меньше текста. Тут все слушается.

или

М2: Ну, ты че по телефону! Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь.

Данная интенция может быть реализована не только в прямой, но и в косвенной форме, маскируясь под другие коммуникативные установки, в частности, под коммуникативную неудачу:

М1: На твою фирму оформлять кредит, да?

М2: Давай мы лучше с тобой увидимся и поговорим. Че по телефону, я ж не пойму про че ты говоришь. Давай я это, увидимся и поговорим.

Прием эвфемистических замен предмета речи наблюдается в следующем отрывке:

М1: А вот это что такое, если не секрет?

Ж1: Ну обзор! Обзор Павел Николаевич.

М1: И сколько здесь? В обзоре?

Ж1: Двенадцать девятьсот.

...

Ж1: Платит Москва, пусть она платит, жить нам сыто и довольно.

М1: Ну почему Вы считаете, что должны все платить? Я работаю и получаю зарплату за это.

Об эвфемистическом употреблении слова «обзор» свидетельствует семантически аномальное сочетание «сколько в обзоре», «в обзоре двенадцать девятьсот», «обзор платит Москва (за

выполнение трудовых обязанностей)». Семантическая аномалия не влечет за собой корректировки формы высказывания (не является ошибкой, оговоркой), следовательно, она используется для специальных целей. Установление контекстуального окказионального значения слова «обзор» осуществляется методом подстановки маскируемого слова в диалог, обладающий цельностью и однозначно отражающий речевую ситуацию.

Прием элиминации темы заключается в последовательном исключении из речевой партитуры слов и выражений, указывающих на предмет речи. Замена маскируемых значимых элементов текста осуществляется разными средствами:

- при помощи дейктических элементов;

M1: Доедь заберу, (вновь) опять что у тебя было: и то, и то.

- при помощи полузнаменательного слова, выражающего эмоциональную оценку объекта, но не называющего его. Нередко в устной разговорной речи в данной функции выступают обсценные лексемы или вульгаризмы;

Ж1: Вот блн... Ни фига, с этой гадостью мотыляться по городу!

- при помощи эвфемистических замен;

M2: Что, ты в городе?

M1: Нет, ну я... (пауза) ... в городе, но в чужом.

M2: Ну я понял.

M1: Я тут по официалу двигаюсь (смех).

M2: А-а, ну все тогда. Как будешь в тени — так набирай (смех);

- при помощи эллиптических синтаксических конструкций.

Ж1: Я забрала, лежат.....

Как правило, в диалогах, отражающих криптолалическую интенцию, используется несколько элиминирующих приемов, последовательно устраняющих из структуры диалога лексические репрезентанты темы речи.

M2: А, ну понял. Серый, а по поводу этого, который мы второй вопрос интересовались?

M1: Говорит не это, не его.

M2: Не то, да?

M1: Не-а.

M1: Слушай че. А вот там какая цифра должна быть?

M2: Цифра? Три с половиной.

M1: Чего? Или ты про какую цифру говоришь?

M2: Про второй вариант.

M1: Про второй вариант? Там еще он сам не определился. Вот так вот.

M2: Ну понял, а то может там на запчасти че-нибудь?

M1: Ну это не то, о чем мы говорили.

M2: А, вообще не то, да?

В данном контексте средствами элиминации служат эллипсис (не его), обилие местоимений и местоименных наречий, эвфемизмы (цифра, второй вариант). Даже когда косвенное информирование провоцирует непонимание («Или ты про какую цифру говоришь?»), участники диалога все равно предпочитают выражаться намеками. Таким образом, тема текста (а речь в диалоге идет об оплате должностному лицу его деятельности по сокрытию реализации угнанных автомо-

билей) в рамках отдельного диалога вне взаимодействия с корпусом диалогов, принадлежащих данным дикторам, практически не просматривается. Единственный маркер темы — выражение «на запчасти» — является «коммуникативным недочетом», допущенным говорящим в результате ослабленного контроля за речью. Как можно видеть, наличие в тексте смысловых лакун еще не дает повод говорить об использовании приема маскировки содержания. Криптолалию необходимо отличать от диалогов устной разговорной речи, содержащих конситуативные высказывания. В рассмотренном примере замена узуальных способов передачи информации неузуальными осуществляется в нарушение коммуникативных постулатов ясности и релевантности. Полагаем, что только такие случаи могут однозначно свидетельствовать о наличии криптолалической интенции.

В целях элиминации темы нередко используются распространенные описательные конструкции, нарушающие принцип языковой экономии.

M1: Там фигня случилась... Помнишь, был (пауза) «Яичко»...

M2: Угу.

M1: ... и «Кузя» деревянный?

M2: Угу.

M1: Мы их отдали.

M2: А отдали какие, чьи: наши или оттуда?

M1: Я думаю, отняли, наверное, тот, кто в октябре... около праздников... Понимаешь?

M2: Тот, кто что?

M1: Тот, у кого в октябре праздник... и ходит в серой форме.

M2: Угу. (пауза) Не врублюсь.

M1: Не врубишься? Объясняю: мы их отдавали человеку, ездили люди. Помнишь? Сразу две гнали.

M2: Ну.

M1: Ну. Их отдали человеку тому, которого мы не знаем.

M2: Ну.

M1: У которого там автосалон образовался.

M2: Это наш человек, или это его был человек?

M1: Это его был человек.

M2: Это его человек. Все, я понял.

Пространные эвфемистические замены, используемые вместо отдельных знаменательных лексем, ведут к коммуникативному сбою, о чем свидетельствуют многочисленные вопросы, требующие повторной формулировки тезиса. Объем речевых лакун явно превышающий конситуативно обусловленную недостаточность спонтанного устного диалога, дает основания полагать, что все перечисленные речевые приемы не могут быть реализованы без установления предварительной договоренности с собеседником об особом способе коммуникативного взаимодействия. В этом случае маскировка содержательных элементов диалога служит, пожалуй, главным средством распознавания темы. Использование для выражения значения неузуальных языковых средств сигнализирует собеседнику: «я сейчас говорю о том, что мы с тобой договорились скрывать». Следовательно, успешность коммуникации

такого рода сама по себе является ярким признаком наличия специальной установки на маскировку предмета речи.

Таким образом, применение комплекса семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа позволяет уточнить признаки разговорного диалога, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. В частности, среди различных способов речевого воздействия оказывается возможным выделение приемов речевой провокации, а среди высказываний с имплицитным смыслом — приемов, нацеленных на маскировку их содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронина С. В. Конфронтационный текст в правовом пространстве // Текст в коммуникативном пространстве со-

временной России : моногр. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2011. С. 233—241.

2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.

3. Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М. : Флинта : Наука, 2003.

4. Гетманова А. Д. Логика. — М. : Добросвет : Книжный дом Университет, 1998.

5. Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1992.

6. Падучева Е. В. Статьи разных лет. — М. : Языки славянских культур, 2009.

7. Русская разговорная речь / под. ред. Е. А. Земской. — М. : Наука, 1973.

S. V. Doronina
Barnaul, Russia

«LET'S AGREE, COMMANDER!»: THE METHODS OF DISCOURSE ANALYSIS IN THE LINGUISTIC EXAMINATION OF CORRUPTION SPEECH CRIMES

ABSTRACT. *This paper discusses the method of texts analysis on anticorruption criminal cases. The main objective of the linguistic forensic examination of anti-corruption cases is to establish the event in his speech display. This linguist must prove that the dialogue in question transfer of money there is a connection between the transmission and provision of counter services, and establish the nature of services rendered for the money. This information may be used by the investigator to identify the text indicating that the presence of an object (the object of the crime), the objective side (socially dangerous act, time, place, situation, method), subject, subjective side (the intent, purpose, motive). To solve the most complex of these issues are suitable methods of discourse analysis. Application of discourse semantic and pragmatic methods allows to specify the attributes of spoken dialogue, essential for the legal qualification of speech crimes. In particular, among the various ways of speech influence it is possible to select the methods of the provocation speech, and among the utterances with implicit meaning — techniques aimed at masking their contents. For example, a provocation carried out when the official register of unofficial dialogue is replaced when the message about the consequences of any unlawful acts replaced by a proposal / request for derogation from the given institutional rules for a fee.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; semantic analysis of discourse; Pragmatic analysis of discourse; verbal provocation; masking the conversation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Doronina Svetlana Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of general and applied linguistics, literature and the Russian language, Altai State University (Barnaul, Russia).*

REFERENCES

1. Doronina S. V. Konfrontatsionnyy tekst v pravovom prostranstve // Tekst v kommunikativnom prostranstve sovremennoy Rossii : monogr. — Barnaul : Izd-vo Altayskogo un-ta, 2011. S. 233—241.

2. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs : sb. nauch. tr. — Volgograd : Peremena, 2000. S. 5—20.

3. Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva i dr. — M. : Flinta : Nauka, 2003.

4. Getmanova A. D. Logika. — M. : Dobrosvet : Knizhnyy dom Universitet, 1998.

5. Lisochenko L. V. Vyskazyvaniya s implitsitnoy semantikoy. — Ros-tov n/D : Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1992.

6. Paducheva E. V. Stat'i raznykh let. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009.

7. Russkaya razgovornaya rech' / pod. red. E. A. Zemskoy. — M. : Nauka, 1973.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова.